

Десоциализированный человек

Эмоционально-интеллектуальная коррупция как причина того, что люди становятся все более одинокими

О *«социальной справедливости»* говорит сегодня каждый политик, если речь идет о его партии, упрекая при этом с той же готовностью политических соперников в *«социальной холодности»*. Любой принимаемый закон должен содержать в себе *«социальный компонент»*, чтобы вообще быть рассмотренным на пленарном заседании, и повсеместно требуется *«социальная активность»* как основа функционирующего государства.

Однако если присмотреться, можно заметить, что все происходит с точностью до наоборот: отдельный человек, как и общество в целом, чувствует себя все менее социально связанным, а восхваляемые социальные системы (системы социального страхования) по всему миру оказываются перед огромными проблемами.

Несколько месяцев назад мой сосед был найден мертвым в своей квартире. Члены пожарной команды взломали дверь, врач скорой помощи на мой вопрос пробормотал что-то вроде *«вероятно, самоубийство»*, а полиция хотела знать, когда мы видели его в последний раз. Несколько пораженный, я спросил самого себя, как часто я вообще видел этого соседа и что могло быть причиной того, почему 40-летний мужчина умер так внезапно.

С тех пор в моих мыслях блуждает вопрос, насколько мы, собственно, еще социальны, что вообще сегодня для нас означает социальность?

Почему мы почти не общаемся со своими соседями, время от времени лишь мимоходом здороваясь с ними в подъезде (если вообще здороваясь), ничего не зная о них и не испытывая интереса познакомиться с ними ближе?

Слово *«sozius»*, изначально означавшее *«сопровождающий»*, еще вспоминается нам из уроков латыни, а с понятием *«социальность»* мы связываем вялое соседство. Какой-либо интерес чаще всего отсутствует: у нас разные профессии, жизненные цели и время работы. Порой мы вообще узнаем о существовании живущих с нами стена к стене людей, лишь когда музыка соседа становится слишком громкой или соседская семья ссорится.

Но поскольку я три года жил в деревне, я еще очень хорошо помню, что там все было совершенно иначе: все знали друг друга, все знали, как у кого обстоят дела. Но в городах о том, где и как живут наши ближние, чаще всего узнаешь только от собственных детей, – в том случае, если у соседей тоже есть дети.

Основы социального сосуществования, интерес и чувство единства у нас, прежде всего, в городах уже в значительной степени утрачены, поскольку все, что первоначально способствовало социальности группы и расширенной семьи и определяло ее, сегодня передано государственным институтам, подлежит правовому регулированию, то есть было, так сказать, деперсонализировано.

За счет этого переноса всех жизненных сфер и содержаний на нормативные величины люди внутри общин и городов, превышающих размер деревни, не только утратили интерес друг к другу – отсутствует также всякий импульс к тому, чтобы

вообще ближе сходиться с соседями. Люди встречаются разве только на собраниях собственников жилья/квартиросъемщиков, чтобы поговорить о предстоящем ремонте, поломках в местах общего пользования и других подобных вещах.

Чем больше государство брало каждого человека с момента его рождения и до самой смерти под свою «опеку» посредством все более уплотняющейся сети распоряжений, законов и предписаний и заставляло подчиняться своему диктату – явное «доказательство» его безусловной заботы, – тем больше каждый гражданин лишался самостоятельности и деградировал в инструмент политического всемогущества. Вместе с этим утрачивалось и всякое побуждение ощущать себя частью сообщества и *социальным* существом, а также брать на себя ответственность друг за друга и проживать ее.

Проверьте для примера самого себя: что Вы на самом деле знаете о людях, живущих вокруг Вас в 50 метрах? Кто они по профессии, чем увлекаются? Откуда они родом и чем они живут?

Конечно, мы встречаемся в союзах и ресторанах. Мы поддерживаем контакт с некоторыми избранными друзьями и коллегами, которые, однако, в большинстве случаев живут в других районах города, то есть не в непосредственном соседстве. Но даже их жизненные цели и содержания обсуждаются разве что при единичных встречах, устойчивое чувство ответственности за них и их проблемы появляется только во времена бедствий или в случае болезни. В остальном мы заняты исключительно своими собственными проблемами и исходим – и не напрасно – из того, что с этими проблемами мы все равно всегда оказываемся один на один, как и все остальные в нашем окружении.

Современный человек чаще всего имеет более или менее непосредственные социальные отношения еще только с коллегами по работе, с которыми он волея-неволей ежедневно видится на рабочем месте, обсуждает профессиональные проблемы или совместно обедает в местной столовой.

Прошу заметить: я говорю здесь не о любопытстве и общеизвестных сплетнях, а о настоящем интересе.

Как «современные граждане своего государства» мы позволили затянуть себя в корсет, который целиком охватывает все сферы нашей частной, семейной и профессиональной жизни. Мы объединены в ремесленные/торговые палаты и профессиональные объединения, профсоюзы и избирательные участки – статистические номера и фигуры, функционирующие как можно более незаметно, чтобы никому неприятно не броситься в глаза и тем самым не стать предметом общественного внимания.

Для любой инициативы, любой креативной идеи, организованного праздника среди соседей и т.п. нам необходимо разрешение какой-либо государственной инстанции. Публично-(не)правовой порядок контроля и учета, над которым по заказу государства так старательно работают наши службы и ведомства, постепенно лишал нас всякого интереса, всякой мотивации оживлять наше (собственно, всеми желанное) добрососедство, то есть становиться в исконном смысле слова *социальными*.

Каждый концентрируется преимущественно, а то и исключительно на своей собственной жизни, профессиональной карьере, и в этом мы позволяем принимать участие разве только своей непосредственной семье, хотя и этому последнему бастиону социального сосуществования все больше грозит опасность быть утраченным.

Все то, что государство, партии и политики выдавали нам за «социальное законодательство», приводило ко все большей *десоциализации* отдельного человека. Не удивительно: государство определяет, кто может считаться самостоятельным предпринимателем, оно регулирует все образование и профессиональную жизнь, владеет системой здравоохранения, медицинского и пенсионного страхования – конечно, только с наилучшими намерениями и из социальных обязательств, выполнение которых оно суверенно приписывает себе; государство как всемогущий супер-отец!

Но перенимание государством и его органами всех *социальных* целей сообщества, на самом деле, является противоположностью того, о чем оно заявляет: это десоциализирует отдельного человека, делает его ленивым и несамостоятельным и тем самым все более неспособным мыслить, чувствовать и действовать в соответствии со своей естественной социальностью. Это изолирует человека и низводит его до потребителя, превращает его в объект экономического планирования и статистической функциональности¹.

Соответственным образом выражено поэтому и (с рациональной точки зрения вполне понятное) стремление каждого отдельного человека обеспечить себе по возможности все преимущества – всяческие субсидии и «социальные» притязания, путевки и льготы, которые ему предоставляет и предлагает содержатель социальной монополии: ведь это просто глупо упускать и не использовать причитающееся.

Проблема лишь в том, что эта государственная мания «социального» обеспечения связана со все более возрастающими накладными расходами, ведь разбухающая масса тех, кто управляет, санкционирует и бюрократически организует эти социальные благодеяния, хочет быть оплаченной. А перенос всей социальности на государство и его органы повышает стоимость того, что первоначально люди делили друг с другом на общественных началах и бесплатно. Поскольку армиям этих «социальных чиновников» не только выплачивают их ежемесячные оклады, но и финансируют их здравоохранение и, наконец, пенсии, можно предвидеть, когда государству в финансовом отношении перестанет хватать воздуха, когда его самовластно истребованная мания социализирования буквально обескровит его.

Что ж, для этого в его распоряжении есть такие механизмы, как повышение налогов, все более уплотняющаяся система контроля, доступ к каталогу сборов и штрафов, коммунальные налоги и сборы. В крайнем случае можно пренебречь инфраструктурой государственных учреждений, отменить субсидии и изменить законы, на которые уже давно лишены дееспособности граждане до сих пор надежно полагались.

При этом в большинстве случаев люди вообще так и не осознали, что посредством отлаженной системы наблюдения и контроля, с одной стороны, и все большего лишения дееспособности своих граждан (порой можно говорить даже о *инфантилизации*), с другой стороны, государство все больше брало их под свою опеку и лишало способности самостоятельно заботиться о делах и содержаниях истинной социальности.

Тот, кто осознает эти взаимосвязи и таящуюся за ними трагичность и, возможно, даже проявляет личную инициативу, чтобы остановить эту десоциализацию, очень

¹ См. книгу «Коррупция – расшифровка универсального феномена», Х.-В. Граф, стр. 140-141, доказательства «криминальной социальной государственности».

легко оказывается в атмосфере нелегальности: он привлекает внимание и вызывает подозрения. Именно это – возврат к утраченной независимости и обращенному к человеку социальному поведению – государство в своем стремлении контролировать, определять и направлять все области человеческой жизни воспринимает как опасность возможной утраты значимости и как вмешательство в его самовольно присвоенный государственный суверенитет. Именно этой паранойе государства и его органов, которые непрерывно с помощью новых законов и распоряжений делают джунгли параграфов все более непроглядными и запутывающими, чтобы предотвратить возможную потерю контроля, мы обязаны такими понятиями как «социальное государство» или даже «социализм» как ультимативное присоединение к идеологии и лишение дееспособности членов государства. Подобное семантическое извращение мы найдем также в слове «демократия», которая – в полном непонимании первоначального значения – навязывается *сверху вниз*, хотя каждый хоть немного сведущий в истории человек знает, что она может функционировать только *снизу вверх*.

Мало пользы приносит тогда и то, что мы на общественных началах работаем в общественно-полезных союзах и организациях, поскольку они также подвергаются мании контроля государства – не только в содержательном, но, прежде всего, в функциональном, финансовом и бюрократическом плане.

Как же вообще можно противостоять этим условиям? Какой выход существует из предписанного государством принудительного социализирования граждан?

Что ж, самое важное заключается в том, чтобы как можно больше людей осознали, что государство никогда не может мыслить социально и быть таковым, да на самом деле вовсе и не намеревается, как и не может выполнить обещания, которые оно – за высокие отчисления на социальное страхование и вымогаемые посредством законов сборы – дает гражданам.

Только это осознание и понимание взаимосвязей позволит каждому отдельному человеку использовать средства и искать пути для того, чтобы эффективно противостоять этому псевдосоциальному всемогуществу государства.

Вот несколько предложений:

1. Заговорите как-нибудь со своим соседом и проявите интерес к нему и его семье.
2. Активно ищите возможности принимать осмысленное и целесообразное участие в Вашем непосредственном окружении.
3. Используйте маленькие объявления и ищите единомышленников для Ваших инициатив.
4. Пытайтесь заинтересовать Ваше окружение новыми идеями и креативными предложениями.
5. Объединяйтесь в сети – через Facebook, XING и т.п. – с единомышленниками.
6. Создавайте среди соседей рабочие группы и дискуссионные кружки, в которых можно было бы также обмениваться хорошими советами и информацией.

Чем больше людей поймет, что государство не способно мыслить и действовать социально, тем скорее люди снова найдут путь назад к проживаемой и переживаемой социальности – социальной в первоначальном смысле слова.

Ханс-Вольфф Граф
Перевод с нем. М. Назаровой